

Александр Германович Герцен

Крепостной ансамбль Мангупа

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

Александр Германович Герцен

Крепостной ансамбль Мангупа / Александр Германович Герцен – М.: Книга по Требованию, 2011. – 156 с.

ISBN 978-5-4241-1761-9

Книга, написанная известным ученым-археологом, рассказывает об одном из наиболее известных «пещерных городов» Крыма – Мангуп-Кале. На основе многолетних археологических исследований городища автор в доступной форме излагает историю памятника, подробно останавливаясь на вопросах происхождения «пещерного города» и его населения, описании оборонительных сооружений и культовых объектов.

ISBN 978-5-4241-1761-9

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Герцен А.Г.
Крепостной ансамбль Мангупа

Введение

Замечательный памятник крымского средневековья — городище Мангуп, расположенное на вершине живописного плато в юго-западной части Внутренней гряды Крымских гор, давно уже привлекает внимание исследователей. Здесь, впервые после Херсонеса (1853), начались раскопки исторического места, связанного нитями политических, культурных и торговых отношений с Византией, Молдавией, Польшей, Генуей, Трапезундом, Золотой Ордой, Крымским ханством, Московским государством. Мангуп занимает важное место в решении ряда сложных проблем истории средневековой Таврики, таких, как формирование средневековой этнической общности в горных районах полуострова, локализация упоминаемого в византийских источниках топонима Дорос, начало и пути формирования феодальных отношений, роль в этих процессах византийского влияния, зарождение и развитие средневековых политических образований в Горном Крыму, имеющих серьезное значение для современной медиевистики в целом.

Предлагаемое исследование относится к области архитектурной археологии (220, с. 24–25; 229, с. 3).

В основу его легли материалы археологических раскопок и разведок, проведенных на Мангупе экспедицией Института археологии АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея под руководством Е. В. Веймарна с 1967 по 1972 г., экспедицией Симферопольского Государственного университета им. М. В. Фрунзе с 1973 г., работавшей в 1973–1974 гг. в составе Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР (руководитель Е. В. Веймарн), а с 1975 г. под руководством автора настоящей работы.

История Мангупа, как и всей Юго-Западной Таврики в целом, весьма скудно освещена письменными источниками, поэтому при ее изучении важное значение приобретают археологические, нумизматические и эпиграфические памятники.

Нарративные источники описательного характера по теме исследования до второй половины XVI в. практически отсутствуют. Сочинения путешественников, посетивших Мангуп в XVI–XVIII вв., трудно полностью отнести к разряду источников. В них нередко делаются экскурсы в историю Мангупа (зачастую мало опирающиеся на реальные факты), и это позволяет нам рассматривать некоторые из них как работы исследовательского характера, входящие в историографию вопроса. [88]

Глава I. История изучения оборонительной системы Мангупа

В конце 1475 г. Мангуп после шестимесячной осады был взят турецкими войсками. Этим событием завершилось турецкое завоевание Крыма, на три столетия превратившегося в территорию, подвластную Османской империи. Турецкое владычество принесло величайшие бедствия народам, населявшим

полуостров: заглохли многие города и селения (46, с. 340–343, 348, 350), была подорвана основа самобытной средневековой греческой культуры. Турецкие власти активизировали политику мусульманизации, сохранившееся христианское население облагалось тяжелыми налогами и несло многочисленные феодальные повинности (199, с. 390, 417–421). Экономический рост Крымского ханства, которому была оставлена номинальная независимость, сдерживался вынужденным участием в военных авантюрах стамбульских султанов (83, с. 234).

Существенно изменилась историческая география Крымского полуострова. Ликвидация политически самостоятельных генуэзских колоний и Мангупского княжества способствовала окончательному перемещению главных торговых путей в восточные районы полуострова. Ремесло и торговля теперь концентрируются в основном в портовых городах и новых центрах (Бахчисарай, Карасубазар), хозяйство глубинных районов полуострова характеризуется застойными формами (46, с. 356–357).

Мангуп сохранил важное административное значение: он стал центром кадылыка, в состав которого вошла большая часть территории бывшего княжества Феодоро (59, с. 78–82), но, несмотря на это, город пришел в упадок. Большинство его жителей погибло во время осады или попало в неволю. В запустение пришли жилые кварталы и церкви. В середине XVI в. об этом свидетельствует посол польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед-Гирею II Мартин Броневский, посетивший город в 1578 г. Его труд «Описание Татарию», по сути дела, открывает серию сочинений, касающихся Мангупа и других, так называемых «пещерных городов» Крыма.¹

В отношении крепостных сооружений Мангупа сведения Броневского весьма скупы. Его внимание привлекла лишь цитадель, которую посол именует «верхним замком», противопоставляя его тем самым «нижнему», т. е. второму оборонительному поясу, прикрывавшему территорию, занятую жилыми кварталами. Ценным является упоминание о воротах «верхнего» замка, украшенных мрамором и греческими надписями.² Здание цитадели функционировало, по словам М. Броневского, как тюрьма, где ханы содержали в заключении неугодных им послов (46, с. 343). [89]

В XVII в. количество сведений о Мангупе увеличивается, но мы опускаем сочинения XVI–XVII вв., которые содержат короткие упоминания о Мангупе, не затрагивающие сути нашей темы.

Префект Кафы Эмиддио Дортелли д'Асколи (1634 г.) отмечал природную неприступность Мангупа и наличие источников воды. По его словам, это была последняя крепость на полуострове, сдавшаяся туркам (97, с. 121).

Французский инженер Боплан в коротком замечании, относящемся к Мангупу (1640 г.), упоминает 60 уцелевших домов, а состояние оборонительных сооружений он считает плохим (45, с. 327). Интересно, что на карте Украины, составленной Бопланом и опубликованной в 1650 г., Мангуп отмечен значком в виде крепостной башни, который больше ни для одного пункта не применен, нет его и в экспликации (133, табл. XXXII).

Пожалуй, самое полное из дошедших до нас средневековых описаний Крыма принадлежит турецкому дипломату и путешественнику Эвлие Челеби, автору известной «Книги путешествия», содержащей важные сведения о Крыме (85). В целом его сведениям, как отмечают комментаторы, можно доверять. Сомнения

обычно вызывают исторические экскурсии, заимствованные из ненадежных источников, а также значительные преувеличения некоторых цифровых данных (количество домов в крепостях, численность войск в них и т. д.) (160, с. 23–24). Наблюдения, сделанные Эвлией во время посещения Мангупа (1666 г.), имеют большую ценность. Много места в описании уделено характеристике географического положения города, Восторженно пишет автор о неприступных обрывах и зияющих пропастях вокруг Мангупской скалы (320, с. 260). Рассказ о городских постройках начинается с главных городских ворот, произведших на путешественника большое впечатление. Затем упоминается 7 высоких башен (320, с. 261). Любопытно высказываемое автором мнение о том, что для защиты города не обязательно использовать пушки и ружья, достаточно сбрасывать на неприятеля камни (320, с. 260). Этот способ обороны широко применялся и в других «пещерных городах», посещенных Э. Челеби, например, в Чуфут-Кале (320, с. 267).

Особо отмечает Эвлия акрополь на мысе Тешкли-бурун, именуя его так же, как и весь Мангуп, крепостью, но четко, определяя его место на «высокой скале на восточной его стороне». В описании внутренней части цитадели упомянуты колодец под куполом, мечеть, перестроенная из христианского храма (октогон).

Во время посещения Эвлии Челеби цитадель была необитаема, но поддерживалось ее боевое состояние, ключ находился у коменданта крепости, в здании же хранились пушки, ружья и амуниция.

Интересно упоминание о небольшой железной калитке, у которой якобы понесли самые большие потери во время штурма янычары. Спустя два столетия о той же калитке писал со слов старожилов В. Х. Кондораки (130, с. 425). По описанию Э. Челеби можно понять, что калитка эта находится на территории цитадели, Кондораки же прямо указывает на расселину между двумя скалами в юго-восточном обрыве, в районе современного триангуляционного знака.

Неожиданно заявление Эвлии, что в оборонительной стене цитадели нет ни амбразур, ни бойниц (320, с. 261). Вряд ли это сказано случайно. Детали устройства крепостей он описывает с большим знанием дела. Однако на фотографиях, сделанных А. Л. Бертье-Делагардом, видно, что на юго-восточной куртине были надстроенные ружейные бойницы (36, с. 12–13, рис. 3), к настоящему времени почти полностью разрушенные. Возможно, они были возведены ко времени после посещения Мангупа турецким путешественником, то есть в конце XVII — начале XVIII вв.

Период с конца XVII в. до присоединения Крыма к России скуден сведениями о Мангупе: крепость теряет свое значение, население спускается в окрестные долины.

Турецкий источник 1740 г. сообщает о Мангупе, что это укрепленный город, примерно с 60 домами (86, с. 149).

Французский посланник Пейсонель, побывавший в Крыму в 1753 г., упоминает Мангуп как административный центр, которому подчинены 74 деревни (327, с. 24–25).

В 1787 г. появилось «Большое землеописание» Бюшинга, в которое была включена статья М. Тунманна по истории Крыма. Автор в основном приводит сведения, почерпнутые из сочинений предшественников (М. Броневского, д'Асколи и др.). По его словам, Мангуп представлял собой небольшое местечко из 50 домов, жителями которого были евреи (имеются в виду караимы) и лишь

несколько татар (264, с. 34–35). Это отражает [90] ситуацию после заключения между Россией и Турцией Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г., когда крепость потеряла военно-административное значение и постепенно стала приходить в запустение.

Включение Крыма в состав России усилило интерес к древностям полуострова. Приезжавшие сюда в конце XVIII — первой половине XIX вв. ученые и просто любители путешествий нередко поднимались на Мангуп, запечатлевая увиденное в описаниях, путевых заметках и рисунках.

Несомненный интерес представляют планы городища, снятые русскими военными топографами в 70—80-е гг. XVIII в. и, к сожалению, до сих пор не опубликованные. Город тогда еще не был окончательно покинут последними жителями, караимами, и указание на картах жилых усадеб имеет большое значение для определения местоположения и хронологии архитектурных комплексов (11; 12).

Начало научному описанию памятников Мангупа и других «пещерных городов» было положено академиком П. С. Палласом. В 1793–1794 гг. он совершил поездку по Крыму; результаты ее нашли отражение в книге, выпущенной в Лейпциге (325). Паллас отличался не только хорошей наблюдательностью, но и добросовестностью. Дав весьма подробное описание географического положения Мангупа, автор значительное место уделил архитектурно-археологическим памятникам и, в частности, оборонительным сооружениям. Поднимаясь на плато по Табана-дере, он обратил внимание на нижнюю стену, пересекающую ущелье, и отметил, что она сложена частью из тесаного, а частью из «дикого камня». При его посещении уже был разрушен участок кладки, через который проходила тропа. П. С. Паллас полагал, что в этом месте когда-то были ворота. Довольно подробно описан дозорный комплекс в обрыве мыса Чуфут-Чарганбурун при калитке в боевой стене. Отметив в Гамам-дере стену с круглой башней, Паллас обратился к Тешкли-буруну и привел очень важное для нас наблюдение относительно наличия в фасадной стене здания цитадели амбразур для огнестрельного оружия: в нижнем этаже для ружей, а в верхнем для «тяжелого оружия» (325, с. 103). В середине XIX в. эта часть постройки уже была в развалинах, и только благодаря описаниям Палласа можно представить ее облик.

Строительство крепости автор с большой осторожностью был склонен отнести к генуэзцам («лигурам»), пещерные же сооружения — к арианам, бежавшим из Херсонеса.

Английская путешественница М. Гутри осматривала Мангуп в 1795 г. По ее мнению — это столица готов, именовавшаяся в древности Тавана. На такое отождествление, вероятно, натолкнуло ее название ущелья Табана-дере. Никаких доказательств в пользу этого предположения не приводится (315, с. 86).

Соотечественник М. Гутри Э. Кларк в 1800 г. посетил Мангуп в сопровождении П. Палласа. Записки его наполнены восторженными воспоминаниями о великолепных картинах природы и романтических древних руинах, но, к сожалению, содержат мало сведений о памятниках и потому большого интереса для нас не представляют (312, с. 478).

Не много полезных сведений содержат и сочинения двух наших соотечественников — П. И. Сумарокова и И. М. Муравьева-Апостола. Первый ограничивается общими замечаниями по поводу возможных основателей Мангупской крепо-

сти, считая их, вероятнее всего, генуэзцами, но не исключая и влияния готов (254, с. 49). Неизвестно почему автор утверждал, что в древности город назывался Аргодой. В восторженном описании красот Мангупа отразились и верные наблюдения: отмечается, что «пропасти, ужасающей глубины, заменяли укрепления и, стены... проведены по местам менее утесистым» (254, с. 45–46). Второй путешественник, бегло осмотрев руины города, ограничился в своих путевых заметках перечислением виденного: оборонительных стен и башен, развалин ворот и т. д. Здание цитадели, по его мнению, — дворец мангупских князей (186, с. 182–189). На оконечности Тешкли-буруна И. М. Муравьев-Апостол видел остатки круглой башни, возвышавшейся над высеченными под ней пещерами. Сейчас с этим сооружением можно связывать вырубку в верхней части комплекса Барабан-кобы (53, с. 424). Не всем данным этого автора можно в одинаковой степени доверять. Так, например, он утверждает, что с внутренней стороны цитадели проходил ров, никаких признаков которого впоследствии обнаружено не было. Правда, нужно отдать должное автору в осторожности сделанных выводов: он сомневается в причастности готов и генуэзцев к строительству на Мангупе и оставляет открытым вопрос: «Что такое Мангуп?»

Первое обследование архитектурных памятников городища с целью подготовки предложений о мерах их сохранения было поручено [91] правительством академику Келлеру, командированному в Крым в 1821 г. Им был составлен доклад о состоянии фортификационных сооружений, которые определялись как генуэзские (197, с. 395).

Основное внимание Келлер уделил участку главных городских ворот в ущелье Капу-дере. В его рапорте отмечается, что воротный свод рухнул. Отмечено, что опорой для него служил с одной стороны естественный скальный обрыв, а с другой — пилон, сложенный из тесаного камня. Описана также конструкция оборонительной стены, примыкавшей к воротам, указано, что лицевая ее сторона сложена из тесаных камней, а тыльная — из необработанных.

Особую тревогу вызвало состояние фланговой башни, которая нуждалась, по мнению эксперта, в срочном ремонте. Остальные оборонительные сооружения он нашел в хорошем состоянии. Расход на ремонтные работы определен был в 500–600 руб. (197, с. 396).

В 1837 г. вышел в свет «Крымский сборник» П. Кеппена, специальная глава в котором уделена Мангупу; в нее введены два глазомерных плана — Муравьева-Апостола (весьма неточный) и собственный, более верный. Автор полностью воспроизводит описания памятника, сделанные М. Броневским и П. Палласом, но сам ограничивается лишь добавлением описания комплекса боевых казематов в юго-западном обрыве Чуфут-Чеарган-буруна (119, с. 271–272) и сообщения офицера Корпуса путей сообщений Е. Р. Вассалья об остатках двух стен, пересекающих балку Рогуз-дере (119, с. 287–288). Представляет интерес рисунок в начале главы, выполненный с натуры в июне 1833 г., изображающий оборонительную ограду в верховьях Табана-дере (119, с. 261).

П. Кеппен аргументированно отводит предположения своих предшественников, считавших строителями крепости генуэзцев (119, с. 281–282), и склонен скорее полагать ими греческих князей (119, с. 97). В целом для этого исследователя характерна высокая точность в описаниях и большая осторожность в окончательных выводах. Остается только сожалеть, что его собственные наблю-

дения по Мангупу отражены слишком лаконично.

Гораздо подробнее, но с меньшей степенью точности, описаны некоторые оборонительные сооружения городища известным швейцарским путешественником Дюбуа де Монпере (314, с. 272–286). Широкими мазками рисует он картину зарождения жизни «пещерных городов» (в том числе и Мангупа). Помещения в скалах, по его мысли, высекали тавры, которые вместе со скифами являлись народами финского происхождения (?). Пришедшие позже готы использовали эти крипты. Возникновение же «пещерных городов» нужно связывать с деятельностью Юстиниана I, стремившегося защитить горные проходы, ведущие в союзную с Византией область Дори; тем самым была заложена основа гипотезы о связи упоминаемых Прокопием «длинных стен» с крепостями Юго-Западного Крыма. Многие необоснованные выводы Дюбуа де Монпере отвергнуты современной наукой, но следует отметить ценные моменты в его сочинении. Например, автор одним из первых связывает топоним «Феодоро» с Мангупом, а не с Инкерманом, как это делали его предшественники. Это предположение почти на четверть века опередило научно обоснованный вывод Ф. К. Бруна о тождестве Феодоро с Мангупом. Интересно сравнение пещерных сооружений городищ Крыма с аналогичными постройками на Кавказе. Особенно ценен весьма верный рисунок, приложенный к описанию цитадели, передающий облик ее фасада, обращенного на Тешкли-бурун.

В 1839 г. в Одессе вышло описание Мангупа, сделанное И. С. Андриевским. Несмотря на ряд неточностей, а возможно даже и вымышленных деталей, оно интересно большей подробностью, чем описание П. Кеппена, а также рядом важных наблюдений. Так, автор упоминает о надписи с крестом в «сердцеобразном круге» и различимыми греческими буквами, виденную им, судя по всему, в одной из башен в Гадам-дере. Речь, несомненно, идет о надписи, упомянутой Н. Н. Мурзакевичем в 1837 г. (на это обратил внимание Ф. К. Брун) (308, с. 72–73); в реальности ее существования в прошлом, таким образом, можно не сомневаться. По мнению И. С. Андриевского, греческая надпись свидетельствует о строительстве крепости византийцами «на границах Хазарии» (17, с. 541–542). Сомнительно его утверждение о существовании рельефного изображения двуглавого орла в арке ворот цитадели. Кроме этой детали, описание здания цитадели вполне правдиво. И. С. Андриевский правильно отмечает, что расположение стен и башен крепости подчинено естественной планировке плато. Верно наблюдение относительно своеобразия кладки оборонительных стен и полукруглой башни в Гадам-дере, которая отличается от стен [92] Херсонеса и от генуэзских укреплений Кафы и Балаклавы (17, с. 544–545). В заключении статьи приводится достаточно полный для своего времени очерк истории Мангупа.

В конце 30-х гг. XIX в. встал вопрос изучения одного из этносов Крыма — караймов. Нет необходимости подробно освещать ход той бурной полемики, которая разразилась в среде гебраистов и выплеснулась на страницы различных научных и популярных историко-археологических работ по Крыму. В частности, до сих пор окончательно не решен вопрос о подлинности ряда древних рукописных текстов и эпиграфий, собранных А. Фирковичем (75; 125; 126; 144; 270; 274; 275; 276; 280; 317; 329). К сожалению, это обстоятельство тормозит введение в научный оборот ценных письменных источников по истории средневековой Таврики, хранящихся в настоящее время в Государственной публичной библио-

теке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Развертывание широкого археологического изучения Мангупа и других памятников в последнее время вновь привлекло внимание специалистов к этим материалам.

В описании Мангупа, принадлежащем члену Одесского Общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевичу, заслуживает внимания упоминание о виденной им в одной из башен в Гамам-дере плиты с «готической» надписью и изображением креста и трех сердец (187, с. 643). Изумил путешественника способ кладки нижней оборонительной стены в Табана-дере, которая по крутым склонам «построена не уступами, а прямо по косой линии». «Кем и когда построена крепость — неизвестно», — писал автор. Население же ее составляли, по его мнению, готы, вытесненные оттуда Мехмедом II (187, с. 643–644).

Краевед, известный собиратель крымского фольклора В. Х. Кондораки, составивший в 1868 г. отчет о своей поездке на Мангуп, отметил, что оборонительная стена, пересекающая устье Табана-дере, «значительно широка — 1 и 1/3 аршина, высока и вся почти цела» (130, с. 420). Это первое известное нам в литературе замечание о толщине мангупских стен, причем в данном случае весьма близкое к истине. О защитной линии на плато сказано, что это «длинная оборонительная стена сажени в две вышиной, сохранившаяся в совершенной целости. По стене этой на известном расстоянии выступают высокие квадратные башни с амбразурами». Последнее утверждение неверно, так как на данном участке амбразуры отсутствуют, о чем можно судить по ряду башен, сохранившихся на всю высоту. Бойницы есть лишь в полукруглой башне Гамам-дере, в башне на Елли-буране и в напольных сооружениях цитадели. Весьма поверхностное описание последней завершается «выводом» о том, что ее строители «обладали прекрасным вкусом, разумным соображением и значительными средствами». Курьезно предположение автора о том, что Хыз-куле — так он называет со слов своего проводника большую сталактитовую пещеру — является ходом, связывающим жилище владетеля Мангупа с долиной у подошвы плато (130, с. 423–426).

Любопытны заметки В. Х. Кондораки этнографического и фольклорного характера. Так, в данном описании любопытно упоминание, сделанное со слов проводника, о заросшей дороге, проходившей ранее в город по Гамам-дере (130, с. 420); следы ее были обнаружены во время археологических разведок 1971–1972 гг. В «Универсальном описании Крыма», куда включен литературный вариант рассказа о поездке на Мангуп, приведено предание о возведении передовой стены в Табана-дере в течение одной ночи джинном, бывшим в дружбе с военачальником Мангупа (131, с. 91). Возможно, эта легенда передает смутные воспоминания о действительно быстром строительстве стены в начале XVI в.

В подробном отчете об учебной экскурсии по окрестностям Бахчисарая, составленном А. Поповым, Мангупу уделено много места, но никаких оригинальных суждений и сведений здесь не приводится, излагаются лишь бытовавшие тогда взгляды, что, впрочем, соответствовало задачам этой краеведческо-педагогической брошюры (216, с. 116–126).

То же самое можно сказать и о романтических «Очерках Крыма» Е. Маркова, неоднократно переиздававшихся, — несколько страниц, посвященных Мангупу, не содержат ничего нового и оригинального (172, с. 404–416).

Появлению серьезных исследовательских работ о Мангупе предшествовали

первые, небольшие по масштабам, раскопки на территории городища. Они были проведены А. С. Уваровым в 1853 г. По его словам, он «отыскивал древние гробницы прежних владельцев этого города». Поиски эти производились близ цитадели, которую Уваров именует «дворцом», а стену, отходящую от него, — «главной» (266, с. 14). [93]

В среде передовых исследователей зрела мысль о необходимости более широкого, научного подхода к древностям. Так, дальнейшее исследование истории Херсонеса связывалось с изучением памятников его ближайшей округи, в частности Мангупа. Это мнение прозвучало на II археологическом съезде в Петербурге (263, с. 42).

Начавшиеся в 80-е гг. XIX в. систематические раскопки античных городов, прежде всего Херсонеса и Пантикапея, стимулировали интерес исследователей и к средневековым памятникам, тем более что уже с конца XVIII в. стало традицией искать на их месте остатки крепостей, упоминавшихся в сочинениях древних авторов.

Ф. К. Брун, много занимавшийся изучением топографии Северного Причерноморья античной и средневековой эпох, обратился к вопросу о локализации пункта Феодоро, известного из генуэзских дипломатических документов и эпиграфических памятников и, большей частью, помещавшегося авторами в Инкермане. Опираясь главным образом на генуэзские документы, Брун показал несостоятельность таких взглядов и привел веские доказательства в пользу отождествления его с Мангупом (309, с. 72–73). Ф. Бруна в этом вопросе поддержал Г. Караулов, выступивший с критикой гипотезы В. Х. Кондораки (117), пытавшегося на основании найденной Д. М. Струковым надписи (251, с. 9) поместить Феодоро на месте деревни Партенит (совр. п. г. т. Фрунзенское) (129). Это же предположение было высказано еще первооткрывателем надписи (251, с. 10; 252, с. 40; 253, с. 18).

Мнение Ф. К. Бруна, как наиболее обоснованное, прочно вошло в современную науку.³ Исследователь, вслед за предшественниками, увязывает также позднейшее Феодоро со страной Дори и крепостью Дорос, упоминающейся в источниках VII–VIII вв. (47, с. 215; 143, с. 134). Ряд авторов в дальнейшем поддержал это предположение (142, с. 55; 260, с. 325–326; 297, с. 11).

Ф. К. Брун вскользь касается исторической топографии Мангупа. Будучи мало знакомым с памятниками в натуре, он достаточно твердо высказывается лишь в пользу того, что «замок, построенный князем Алексеем в Феодоро в 1427 году, был тот самый, который полтораста лет спустя очевидец Брониовий (Мартин Броневский. — *А. Г.*), застал еще на Мангупе». В данном случае интерпретируется надпись на известняковой плите из деревни Саблы, попавшая туда при невыясненных обстоятельствах, вероятно из Инкермана, и сообщающая о строительстве храма в правление князя Алексея (1427 г.).

К Мангупу, как к вероятной резиденции готских конунгов, обращался исследователь-германист Ф. А. Браун, организовавший здесь в 1890 г. археологические работы (7, с. 2–4). Намечая историческую топографию города, он дал первое, правда, очень короткое описание компоновки оборонительных сооружений на плато, рассматривал кладки стен, отмечая, что древние их части сложены из квадратов, а позднейшие — из мелкого камня и кирпича (196, с. 16). Последнее утверждение неверно, так как нигде на Мангупе кирпичных кладок не отмечает-

ся, они вообще мало характерны для средневековой архитектуры Крыма.

В одной из башен (?) Браун обнаружил мраморную плиту с надписью, содержащей имя Тохтамыша и сообщающей о каком-то строительстве в его время, возможно, фортификационном (150, с. 54–55).

Еще одной важной эпиграфической находкой 1890 г. был камень с девятистрочной надписью, вторично использованный в кладке башни в верховьях балки Табана-дере. Упоминание в надписи крепости Феодоро, по мнению исследователя, подтвердило локализацию последней на Мангупе (196, с. 20).

Ограничившись таким обзором оборонительных сооружений города, Браун основное внимание переключил на культовые памятники; он провел раскопки октогонального храма на мысе Тешкли-бурун и базилики в северной части плато. Методика археологического изучения этих памятников оставляла желать лучшего, что было отмечено уже его современниками (36, с. 37–38). [94]

Председатель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич предпринял в этом же 1890 г. поездку на Мангуп для осмотра остатков христианского храма, обнаруженных при земляных работах под южным склоном плато в ущелье Рогуз-дере. Помимо этого памятника был произведен осмотр башни в верховьях Табана-дере. Результатом было первое описание башни оборонительной системы Мангупа, которое содержит ряд верных наблюдений относительно конструкции и истории строительства сооружения. Позднейший период его существования А. И. Маркевич справедливо связывал со временем турецкого владычества (170, с. 107). Отмечает он и вторичное использование архитектурных деталей храма или дворца, а также плиту с надписью, которая в дальнейшем была извлечена из кладки (164, с. 15–19). Де Бай, посетивший Мангуп в начале нашего века, также высказал мнение, что архитектурные фрагменты в кладке башни происходят из здания цитадели, т. е. дворца по А. И. Маркевичу (305, с. 13–14).

Из описаний Мангупа конца XIX в. наибольший интерес заслуживает статья Н. П. Никольского, который, будучи артиллеристом, особое внимание уделял памятникам военного зодчества.

По мнению автора, главная крепость находилась на плато, в Табана-дере же проходила «линия первой обороны» (191, с. 69). В целом крепость кажется ему слабой, построенной безо всякой системы. Отмечается, что наличие амбразур (?) в одной из башен, вероятно в верховьях Табана-дере, указывает на позднюю дату ее создания, не ранее XIV в., когда было изобретено огнестрельное оружие. Отмечая находки ядер калибром около 15 дюймов в Бахчисарае и в деревне Ходжа-сала, автор высказывает предположение, что они принадлежали пушкам защитников города и были сделаны из местного известняка (возможно, автор имел в виду материал ядер, а не пушек, хотя ядра сделаны не из известняка, а из гранита), причем ему показывали даже огромную железную ось, якобы принадлежавшую такой пушке (191, с. 69–70).

Возведение цитадели, по мнению автора, следует отнести ко второй половине VI в. Это была резиденция готских епископов, на что указывают остатки церкви в центре мыса (октогональный храм). Пещерные сооружения на оконечности мыса он толкует как помещения для воинов гарнизона цитадели, а нижний ярус пещер, предполагаемую тюрьму, — как монастырь эпохи раннего христианства (191, с. 71–73).